

Новые идеи и явления в общественном сознании и социальной практике

© 2019 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ОТ ФЕНОМЕНА К НОУМЕНУ: ОПЫТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И МЕТОДИЧЕСКОГО ПОИСКА

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель и зав. кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (zhantosch@mail.ru).

Аннотация. В статье анализируется адекватность используемых современной социологией категорий и понятий возможностям и потребностям научного познания – с точки зрения поиска глубинных смыслов изучаемых процессов и явлений. Показывается, что социология ограничивается в основном традиционными подходами, в основе которых лежит анализ феноменов, т.е. социальных процессов и явлений – очевидных, сравнительно четко интерпретируемых понятий. Исходя из концепции социологии жизни, показывается, что при всем многообразии методологических ориентаций и методических приемов социологические исследования направлены преимущественно на выявление, использование и учет индикаторов жизненного мира, которые выражены посредством общественного сознания (знание, мнение, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы и др.), поведения, деятельности (акты, поступки, действия), макро-, мезо- и микросреды. При таком подходе эти компоненты жизненного мира предстают как феномены, т.е. явления, воспринимаемые в опыте, как объекты чувственного созерцания, как продукт эмпирического познания. Обоснован вывод, что такой подход серьезно ограничивает возможности познания. Требуется переход к иным методологии и методам, к использованию категории «ноумен», позволяющей выявить умопостигаемую, латентную сущность явлений и процессов, становящуюся очевидной в результате изучения и осмысления, умозрительного созерцания. Дается определение ноумена, выявляются его характеристики, осуществлен анализ попыток в социологических исследованиях восхождения от феномена к ноумену, высказываются предложения по его применению в объяснении и при интерпретации изучаемой социальной реальности – жизненного мира.

Ключевые слова: категории и понятия социологии • методология • методы • феномен • ноумен

DOI: 10.31857/S013216250004582-3

Постановка проблемы. На этапе возникновения социологии как науки восторжествовал принцип позитивизма: все, как в точных и естественных науках, подвергается измерению, выражению в четко фиксируемых показателях. Для этого наблюдаемые явления и процессы должны быть определены (описаны, анализированы) методами, подобными

методам физики, математики, биологии, химии и других наук, которые к этому времени достигли впечатляющих результатов в познании природы, окружающего мира. Недаром у О. Конта формулировке новой науки социологии предшествовала «социальная физика». Социологи первого поколения чурались умозрительных построений, считая, что такие способы познания мало что дают реальному познанию происходящих процессов. Анализируя их представления, можно видеть, что, говоря о социологии как науке об обществе, они стремились найти в ней такие его компоненты, которые с большой долей определенности позволяли бы говорить о них как об измеряемых величинах.

Вместе с тем почти весь XIX век социология практически не использовала эмпирические замеры изучавшихся процессов и явлений. Парадоксально, но попытки эмпирического измерения отдельных сторон жизненного мира были предприняты статистиками, демографами, экономистами, что убедительно показал Н.И. Лапин [Лапин, 2004]. Примечателен факт, что, не связывая себя с социологией, российская земская статистика выработала и применила методы анализа, которые дали результаты, до сих пор поражающие своим богатством и уникальностью (подробнее см.: [Абрамов, Живоздрова, 1996]). Но в изучении социальных феноменов в XIX в. были лишь отдельные попытки использования эмпирических методов (см. напр., анкету К. Маркса для рабочих [Маркс, 1979]). Только в первой четверти XX в. были предложены и научно обоснованы методология и эмпирические методы, которые стали основой изучения наблюдаемых проявлений человеческого опыта – феноменов, фиксируемых в общественном сознании и поведении. Этот принципиальный поворот в познании жизненного мира людей стал важнейшим этапом в кардинальном повышении значимости социологии, ее научной определенности, демонстрирующей не только более глубокое проникновение в содержание происходящих процессов, но и свою более тесную связь с реальной жизнью, что позволяло непосредственно участвовать в осуществлении общественных преобразований. Это наглядно проявилось в появлении и становлении американской школы прагматизма (см.: [Култыгин, 2000]). Не менее впечатляющими на этом этапе социологического познания стали разработки русских (советских) социологов в 1920-е гг. (подробнее см.: [Кукушкина, 2009]).

Иначе говоря, социология подошла к применению всеобъемлющих эмпирических методов познания в процессе развития, предложив не просто отдельные эмпирические способы анализа феноменов, а некую систему показателей (индикаторов), которые позволяли по-особому изучать интересующую исследователей реальность. Отмечу, что такой подход постепенно набирал силу, получал все более обоснованное научное определение и практическую значимость, что реально заинтересовало субъектов управления (сначала в промышленности), превращая социологию в активного участника происходящих изменений.

На наш взгляд, практически весь XX в. был временем совершенствования количественных методов познания изучаемых феноменов: предлагались, апробировались инструменты, множились варианты применения, анализа, вырабатывались новые эмпирические способы исследования [Девятко, 2003; Татарова, 2008]. Вместе с тем постепенно выявились ограничения и издержки количественных методов. И дело не столько в их несовершенстве, сколько в том, что они не могли «ухватить» богатство общественного сознания и поведения во всех их многочисленных, особенных и специфических проявлениях. Поэтому вполне обоснованным стало *появление еще одной принципиальной определенности в проведении социологических исследований – качественных методов*. Они внесли новую струю в углубление представлений об изучаемых явлениях и процессах, позволили нагляднее, убедительнее представить и интерпретировать происходящие в обществе изменения. Появился соблазн противопоставить их количественным методам, что нашло отражение в дискуссиях об их роли и значимости в познании социальной реальности, жизненного мира людей [Готлиб, 2005; Семенова, 1998].

Развитие в XX в. социологии – в плане обоснования и применения количественных и качественных методов – показало: они все без исключения, но с определенными вариациями были нацелены на исследование явлений и процессов, которые определяются

понятием «феномены». Феномены обозначают все многообразие проявлений человеческого опыта, действий общественных организаций и официальных структур. Феномен – это «то, что предстало перед моим взором как “этот” мир, сущий и значимый для меня» [Гуссерль, 2013: 136]. Феномены – это очевидность, реальный жизненный мир, который описывается посредством показателей (индикаторов), фиксирующих определенное состояние и тенденции изучаемых явлений и процессов и позволяющих интерпретировать происходящие изменения.

Иначе говоря, феномены – это понятийный аппарат современной социологии. В теории и практике они вне зависимости от различных концепций олицетворяют вариации трех основных компонентов социальной реальности (жизненного мира) – общественное сознание, поведение (деятельность), среда (макро-, мезо- и микро-). Такие понятия сравнительно легко подвергались квантификации, операционализации, что позволяло конструировать варианты опросов, интервью, нарративов и других инструментов социологического исследования, которые в сочетании в большинстве случаев со статистическими данными давали достоверную, заслуживающую доверия информацию, хотя не всегда полную. Такая информация позволяла, с одной стороны, обогащать научные представления об окружающем мире, с другой стороны, представляла данные для использования в социальной практике, для принятия управленческих решений. Однако использование таких очевидных и сравнительно легко операционализируемых и квантифицируемых понятий, данных в человеческом опыте, и обобщенно определяемых, как феномены, имеет ограничения и издержки научного и прикладного характера. Во-первых, эти понятия могли иметь различную трактовку, что порождало набор различных показателей при интерпретации сущности и содержания исследуемого феномена. Такая ситуация нередко приводила к тому, что исследуемые явления/процессы получали противоречивую, не всегда коррелирующую между собой трактовку, иногда вели к противоречивым обобщениям и выводам. Во-вторых, при проведении исследований никогда не снимался вопрос: насколько полно отражают полученные результаты изучаемые стороны реальной жизни, жизненного мира. В-третьих, у требовательных исследователей возникало сомнение в валидности полученных результатов: не являются ли они односторонними, не в полной мере достоверными, насколько используемые показатели (индикаторы) отражают содержание исследуемого феномена. В-четвертых, различия методик исследования и трактовок того или иного понятия приводили к недоверию к полученным результатам среди коллег и пользователей полученной информации, так как несовершенство применяемых методик и инструментов, а также сформулированные выводы порождали сомнения.

Все это позволяет сделать вывод, что социология столкнулась с необходимостью обстоятельнее ответить на вызовы времени, глубже проникнуть в сущность происходящих в мире и конкретных обществах процессов. Этот ответ предполагает, что *используемые формы и методы познания нуждаются не только в дальнейшем совершенствовании, но и в коренном улучшении, необходимости подняться на новый, более обоснованный уровень теоретического, методологического и методического осмысления.* Иначе говоря, возникла проблемная ситуация, которую можно сформулировать так: мы наращиваем объем информации, пытаемся глубже проникнуть в сущность изучаемых социальных процессов, но далеко не всегда получаем удовлетворяющие нас результаты. Многие исследования, если анализировать их результаты, грешат описательностью, очевидностью выводов, редко поднимаются до обобщающих, теоретических заключений.

Где выход? На наш взгляд, надо выходить на новый уровень обобщения, на иные формы осмысления и использования достигнутого социологией, включать в исследовательскую практику то, что накоплено в смежных социальных, естественных, точных и гуманитарных науках. Не декларировать междисциплинарность, когда иногда попутно, эпизодически используют достижения других наук, а реально выходить на новый уровень научных и прикладных выводов. Одним из таких направлений поиска путей приращения и обогащения научного знания является принципиальный шаг, который отвечает

требованиям когнитивных технологий: наряду с применением понятия «феномен» перейти к более высокому уровню обобщения – к *ноуменам*.

Что такое ноумен? В философии ноумен – скрытая сущность процессов и/или явлений, постигаемая в результате глубоко обоснованного изучения, умозрительного размышления (созерцания) над значительным объемом информации. В истории науки впервые вопрос о ноуменах поставил Платон, трактовавший ноумен как объект мысли, разума, как объект интеллектуального созерцания. Совокупность ноуменов образует умопостигаемый, «интеллигибельный» мир (цит. по: [Боголюбов, 1985: 29]). Это понятие образует идеальные архетипы, прообразы чувственно воспринимаемых вещей.

В Средние века и в начале Нового времени учение о ноумене – неперменный атрибут практически всех учений, находившихся тогда под влиянием неоплатоновских традиций. Особое значение эта категория приобрела в новоевропейской философии, что связано с именем И. Канта. Согласно его трактовке ноумен: 1) это понятие, служащее для обозначения «вещей-в-себе»; 2) это сфера познавательного процесса, выходящая за пределы чувственного и практического восприятия; 3) означает место в нашем познании, которое мы не можем заполнить при помощи практического опыта; 4) умопостигаемая сущность, предмет интеллектуального созерцания; 5) априорные идеи чистого, т.е. не опирающегося на опыт, разума [Кант, 1964, т. 3]. Традиционная взаимосвязь сущности и явления заменяется Кантом жестким противопоставлением явлений сферы обыденного и научного опыта (феноменов) непознаваемому миру «вещи-в-себе» (ноумену). В отличие от феноменов, постигаемых средствами и методами эмпирического познания, ноумен – предмет абстрактных спекуляций разума. Мир ноуменов, по Канту, не подчиняется законам физического детерминизма. Он невидимый двойник как субъекта, так и объекта, а также сфера таких категорий, как мораль, свобода, воля (подробнее: [Ойзерман, 1974; Нарский, 1979]). Вместе с тем в «Критике практического разума» и в «Метафизике нравов» Кант трактует ноумены как безусловно необходимые объекты нравственного разума, тем самым допуская, правда гипотетически, их действительное существование [Ойзерман, 2003, т. 3: 109].

По мере использования этой категории в науке, трактовка ноуменов менялась. Последователи Канта пришли к выводу, что идеи чистого разума не только необходимы, но и эвристически плодотворны; они выступают регулятивными принципами, которые оптимально синтезируют многообразие знания [Бурханов, 1999; Simon, 1974]. Если обобщить последующие исследования XIX–XX вв., посвященные ноумену, то, помимо утверждения о нем как умопостигаемой сущности, было сформировано представление о нем, как об *источнике обобщающего познания*. Обратим внимание: хотя ноумен относится к сфере мысли, не к объективной реальности, нельзя утверждать, что эта мысль, фиксируя представления об этой реальности, оторвана от осознанного или стихийного стремления обобщить происходящее в окружающем человека мире. Именно такой подход, прямо не суммируя имеющиеся данные о том или ином феномене (процессе или явлении), позволяет найти обобщающие определения, исходя из постоянно меняющихся способностей человека глубже познать окружающий мир. На этот аспект обращено внимание в физике, когда возникло представление о «темной» материи, и в социальных науках, когда приобрели права гражданства категории глобализации, модернизации, знаменуя новый уровень обобщения имеющегося знания.

Более того, эти понятия так или иначе – продукт специфического опытного познания. Именно поэтому категории, возникающие в процессе абстрактного мышления, всегда в той или иной мере проходят проверку реальностью, чтобы или получить признание сначала в научном мире, а потом и в общественном сознании, или исчезнуть, как не подтвержденные ни логикой научного мышления, ни практикой функционирования конкретных процессов. В настоящее время в мир знания входит понятие Big Data, как следствие актуальной потребности осмысления огромного объема данных, отражающих функционирование различных сфер социума, на основе разных методик, с самыми разными, включая утилитарные, целями. В этой связи возникает проблема, каким образом и

на основе каких методологических принципов возможно осмысление и строго обоснованное обобщение разноплановых данных? С другой стороны, мы имеем пример того, как появившееся в 1990-е гг. понятие «транзитология», будучи некоторое время модным словом, постепенно исчезло из научного лексикона из-за неопределенности, размытости, неясности используемых индикаторов, ибо не смогло ответить на вопрос – какое общество не находится «в транзите»?

Стоит уделить внимание и такому подходу к ноумену – на уровне постижения сущности процессов и/или явлений – *формулировке и проверке гипотез*, которые могут допускать несколько вариантов решения возникших проблем. На этом основан метод Дельфи – выбор наиболее эффективного способа решения, который на первых порах выглядит как набор различных вариантов, из которых предстоит избрать предпочтительный для воплощения в жизнь. Напомним: базой этого метода является то, что некоторое количество экспертов (часто несвязанных и не знающих друг о друге) оценивают и предсказывают результат, позволяя приблизиться к эффективному решению проблемы, к варианту, который имеет преимущество благодаря нестандартным обобщениям и предполагает достижение стратегических целей, или выбор архитектурного решения, или способы освоения месторождений природных ископаемых и т.п. В этих случаях суть заключена не просто в выборе из ранее апробированных методик, а в использовании принципиально новых подходов, нередко полностью отрицающих прошлый опыт. И хотя это осуществляется на основе сопоставления и учета имеющихся данных, однако это предлагает обоснование и применение новых методов с перспективой выхода на ранее недостижимые цели и результаты.

Не менее конструктивную роль ноумен выполняет *при построении новых теоретических моделей*, особенно когда определенная наука заимствует категорию/понятие другой науки, по-иному трактует их содержание, исходя из своей специфики, что позволяет получить принципиально иное знание. Так, применение понятия стрела времени, сформулированного И.Р. Пригожиным, позволило рассмотреть процесс становления современного социума: С.А. Кравченко сформулировал такой ноумен, как гуманистический поворот в социологии, предполагающий интеграцию социальных, естественных и гуманитарных наук, что становится интеллектуальным инструментом преодоления возникших вызовов научному знанию [Кравченко, 2015].

Что касается социологии, ее развитие показывает, сколь своеобразен ее путь по отношению к ноумену как категории/понятию социальной науки. На этапе возникновения, когда были сильны позиции позитивизма, место ноуменов фактически отрицалось, ибо они не могли подвергнуться процедурам измерения. Претензия социологии XIX – начала XX в. на раскрытие четких законов общественного развития сменилась в первой четверти XX в. не менее жестким требованием применения количественных методов, господствовавших вплоть до начала XXI в. Такой подход практически полностью исключал или ограничивал иные методы познания. Вместе с тем позиции позитивизма постепенно размывались, подвергались сомнению; шел поиск иных средств и методов более обстоятельного познания сущности общественных процессов. Одним из первых ответов на эти потребности времени стала понимающая социология М. Вебера. Практически одновременно в социологию стали проникать понятия социальной психологии – средство познания ряда латентных процессов в жизненном мире людей.

Как происходит процесс восхождения к ноуменам в социологии? XX в. продемонстрировал постепенное усложнение методов и средств познания, используемых социальными науками, в их числе социологией. Это проявилось в том, что исследователи стали отходить от абсолютизации количественных методов и искать те, которые позволили бы проникнуть в сущность и содержание изучаемых общественных процессов и явлений, более обстоятельно охарактеризовать их. Процесс осознания и понимания ноуменов в исследовательской практике происходил по-разному.

Первый путь отражает постоянное и постепенное усложнение нашего багажа знаний. Процесс познания шел от использования элементарных простейших методов к более

сложным, агрегированным, комплексным, системным; в результате многие понятия обрели новое качество. Особенно наглядно это проявилось в эволюции и преобразованиях понятий, используемых при исследовании жизненного мира человека. На первых этапах его изучения широко использовалось понятие «уровень жизни» (УЖ), под ним понимались количественные показатели уровня материального благополучия, характеризующиеся объемом реальных доходов на душу населения и соответствующим потреблением (см., напр.: [Хисамутдинов, 2010, гл. 20.3]). Трактовка уровня жизни постоянно усложнялась: в нее начали включать обеспеченность жильем, питание, потребительские цены и другие показатели. Но в одном УЖ не менялся – его характеризовали количественные показатели. Поэтому стало закономерным появление в 1970-е гг. понятия «образ жизни» (лат. *modus vivendi*), который предполагал учет не только экономических, но и социальных показателей (потребности в сфере культуры, общественная деятельность, социальные права и гарантии, отдых, повседневные заботы и т.д.). По существу, образ жизни – это типичные для конкретно-исторических социально-экономических отношений способы и формы индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека, характеризующие особенности его поведения, общения, склада мышления. Это устоявшаяся форма бытия человека в мире, находящая выражение в его деятельности, интересах, убеждениях [Бестужев-Лада, 1978; Кулюткин, Тарасова, 1999; Левыкин, 1987; Руткевич, 1984].

Несколько позже в нашей стране и за рубежом был сделан следующий шаг в познании жизненного мира – было введено понятие «качество жизни»; его трактовка уже не латентно, а в открытом виде требовала применения не только количественных, но и качественных методов исследования. На наш взгляд, это была та область социологических исследований, которая заявила о самостоятельности и определенности, иногда решающей, значимости того, что происходит в сущностной стороне жизни человека. Понятие «качество жизни» шире, чем уровень и образ жизни; оно включает в себя объективные условия и субъективные факторы – состояние здоровья, продолжительность жизни, характер окружающей среды, бытовой комфорт, социальное окружение, удовлетворение культурных и духовных потребностей, психологический комфорт и т.д. Существенную часть качества жизни образует такой социологический показатель, как удовлетворенность жизнью (подробнее см.: [Бестужев-Лада, 1978; Леви, Андерсон, 1979; Campbell et al., 1976]). С определенным приближением качество жизни характеризует Индекс человеческого развития ООН. Он строится по таким показателям: уровень дохода в стране или регионе (определяется на душу населения по паритету покупательной способности), продолжительность жизни, доступ к знаниям (определяется на основании доли населения, охваченного образованием разных уровней). Все это свидетельствует, что качество жизни – не только феномен или совокупность феноменов, но нечто большее, требующее осмысления новых объемов информации, глубинного понимания сущности происходящих процессов и явлений.

В настоящее время социологии, чтобы охватить все многообразие событий и процессов в жизни человека, потребовался следующий шаг – введение в теорию познания понятия *жизненный мир* и его ключевой сущности – *смысл жизни*. Справедливости ради скажу, что понятие *жизненный мир* появилось в философской литературе в XX в. (Э. Гуссерль, А. Шюц), означая логический конструкт, который включал общие, претендующие на всесторонний и всеобъемлющий охват всех без исключения характеристик вариантов жизни людей (подробнее см.: [Резник, 2018: 16–24]). Но лишь социологии удалось предложить очевидные и подвергаемые познанию количественные и качественные его характеристики – реальное общественное сознание (знания, мнения, потребности, мотивы, ценностные ориентации, интересы и другие его компоненты), поведение, деятельность (акты, поступки, действия) и макро- (мир, общество), мезо- (территориально-поселенческие общности, структуры) и микросреда (непосредственное окружение человека) и др. (см.: [Тощенко, 2016: 89–117]).

Применяемые до сих пор методы познания жизненного мира, хотя дают представительную характеристику жизни людей, далеко не всегда отвечают на глубинный вопрос –

в чем **СМЫСЛ ЖИЗНИ**. Если названные выше показатели жизненного мира: сознание, поведение, среда, – могут быть в значительной степени изучены при помощи количественных и качественных методов, то выявление смысла жизни нуждается в других инструментах познания. Именно в таком ракурсе очевиден принципиально иной подход, когда мы переходим от изучения феноменов (четко регистрируемых явлений и процессов) к познанию ноуменов, которые, отсутствуя в опыте, возникают, формируются в ходе умопостигаемых рассуждений. В самом деле, познать смысл жизни как ноумен посредством привычных нам методов практически невозможно. Его можно постичь посредством умопостигаемых приемов познания жизненного мира и его проявлений. На наш взгляд, исходной характеристикой понятия «смысл жизни» как ноумена являются цели-принципы, которых придерживаются люди, в виде устойчивых, жизненно важных ориентиров, в известной мере, конечной, венчающей жизнь высокой осмысленной установки, не зависящей от ситуативных процессов в окружающей среде. Согласно А. Шюцу, смысл может быть связан не столько с научным, теоретическим познанием мира, желанием достичь истины, сколько с жизнепрактическими установками и ориентациями, обладающими непосредственной очевидностью и сочетанием различных форм опыта, в том числе и исторического (курсив мой. – Ж.Т.) [Шюц, 2002: 89]. Смысл жизни предполагает, что люди отдают себе отчет о сущности и содержании своей жизни (осознанно или неосознанно, стихийно), о том, каким образом они будут удовлетворять свои потребности и интересы. Структуру жизненного мира определяет мера, – своеобразный навигатор, по которому люди соотносят свои цели-принципы с нормами и требованиями окружающего общества, сравнивая и согласовывая их с другими участниками жизненного мира. Далее, смысл предполагает осознание человеком своего предназначения и назначения окружающих его социальных институтов (государства, семьи, образования, религии и др.), внутреннее приятие и понимание сущностного содержания действий своих и окружающих его социальных институтов. Кроме того, это процесс созидания и своеобразный компас, которым руководствуется человек в общественной и личной жизни, исходя из исторического и индивидуального опыта, опираясь на него. Иными словами, это конкретное выражение определенной жизненной стратегии как поиска реализации своей личности в жизни [Абульханова-Славская, 1991]. Наконец, очень важна характеристика смысла жизни – его превращение во внутреннюю активность, жизненную необходимость; без ее реализации человек не представляет свое дальнейшее развитие и функционирование. Необходимость оправдывает достижение желаемых целей, к которым на базе глубокой внутренней мотивации стремится человек [Никольский, 2015: 7]. Смысл жизни включает в себя и активное участие в его реализации. Подчеркнем: не просто готовность к реализации, а сам процесс превращения цели-принципа в созидательную, творческую деятельность [Леонтьев, 1999: 26]. И что особенно важно – смысл как ноумен не может существовать вне согласования с действиями других участников, вне постоянного сопоставления со смыслами других людей. В соответствие с этим принимается решение (открыто или латентно) – следовать принятой цели, вносить коррективы или отказаться от нее.

Таким образом, эволюция нашего знания – от уровня жизни до жизненного мира – путь постоянного усложнения и обогащения процесса познания. Он олицетворяет еще один принципиальный шаг: от феноменов, характеризующих понятие «уровень жизни», до ноумена – жизненный мир и его смысл, требующего не только применения количественно-качественных индикаторов (показателей), но и приемов, методов познания умопостигаемых сущностей.

Второй путь восхождения от феномена к ноумену – генерация нового знания на основе новой информации, осмысление которой рождает принципиально иное умопостигаемое понятие. Так, ранее имевшиеся данные об общественной (публичной) и личной (приватной) жизни позволяли описать их состояние, выявить тенденции (если исследование велось в мониторинговом режиме), определить проблемы, которые существуют в данном обществе (регионе, организации) и которые требуют своего решения. Да, это

заслуживающая внимания информация. Но применение, сопоставление и сравнение с совокупностью новых данных позволило не просто описать последовательно каждую сторону жизни человека, а выйти на такой ноумен как, например, *парадоксальный человек*.

Это понятие олицетворяет обобщение данных о мире мыслимого и о мире реального, желаемого и наличного, причудливо сплетаясь, взаимопроникая, создавая специфическое видение действительности. Парадоксы – в большинстве случаев расходящиеся, противоречивые и даже противоречащие друг другу мнения, суждения, установки, ориентации, действия, которые одновременно сосуществуют, сочетаются, функционируют в сознании и поведении одних и тех же людей, не замечающих противоречий. Суть парадоксов в том, что один и тот же человек, например, придерживается взаимоисключающих социально-политических ориентаций и может быть (как ни странно) одновременно и социалистом, и либералом, и интернационалистом, и шовинистом; и монархистом и республиканцем. Это действительно так. Оглянувшись вокруг, мы на основе обработки располагаемых данных отмечаем, что в сознании многих людей воплотился своеобразный кентавр – совмещение несовместимого. На наш взгляд, это поветрие времени, результат стыкования различных факторов, нечто типичное в переживаемой людьми радикальным образом меняющейся реальности, что позволило определить парадоксы как умопостигаемую сущность. Но в то же время сущность ноумена парадоксальный человек не исключает попыток подвергнуть классификации его различные проявления в виде экономических, политических, правовых, нравственных и других парадоксов (подробнее см.: [Тощенко, 2009, 2011]).

Такие особые ракурсы рассмотрения сущности наглядно проявляются при исследовании социальной (социально-политической, социально-культурной) активности как ноумена. Дело в том, что применяемые измеряемые феномены – участие в акциях, членство в партиях, действия и др., образуя соответствующую деятельность или характеризую определенное поведение, не отвечают на вопрос о таком специфическом явлении, как активность. Она, что показывают специальные исследования, может быть постигнута посредством таких индикаторов познания, как инициативность, ответственность, осознанное соучастие и др. (подробнее см.: [Баранова, 2018]).

Не менее значим и **третий путь** возникновения ноуменов, связанный с познанием сложных социальных явлений. Исходя из личного опыта исследований, могу сказать, что наряду с культурной травмой (о ней писали П. Штомпка и Дж. Александер) мы с полным основанием можем говорить об обществе травмы. Оно характеризуется как общими, так и специфическими чертами: отсутствие четкой и ясной стратегии развития; экономическая деградация; отсутствие козидательных общественных сил; взаимные переходы властных ресурсов в капитал и, наоборот; отстранение, добровольное и насильственное, большинства населения от участия в политической жизни; отсутствие государственной идеологии и/или национальной идеи; игнорирование национальных интересов или же, напротив, чрезмерная их абсолютизация; резкое увеличение социального неравенства; социальные деформации и утрата стремления к национальному суверенитету; неуважительное отношение к традициям и прошлому опыту страны или, наоборот, архаизация ранее существовавших, ушедших в Лету (историю) этноконфессиональных установок и патриархальных ориентаций. Все эти черты, взятые по отдельности, неоднократно описывались в научной литературе и публицистике, но не было попыток оценить их в комплексе и выйти на такую обобщающую категорию как общество травмы (подробнее см. [Тощенко, 2018]). Именно исходя из этого, Россия (наряду с другими странами) была отнесена мною к травмированным обществам, так как в своем развитии, отринув социалистическое прошлое и провозгласив новые ориентиры и некритически копируя чужой опыт, находится в состоянии неопределенности своего настоящего и будущего.

Четвертый путь связан с метаморфозами. В этом случае ноумены отражают коренное переосмысление ранее употреблявшихся понятий, которые меняют свое содержание, особенно под влиянием неопределенности и турбулентности развития. Есть ноумены

«свобода» и «демократия», которые в принципе вызывают позитивные эмоции и положительную реакцию во все времена и практически во всех слоях общества. Именно таким образом они были встречены населением в период так называемой перестройки, а затем во время рыночных реформ. По прошествии более чем четвертьвековой истории новой России произошла метаморфоза в реализации этих слов. Свобода оказалась дозированной и по-разному трактуемой претендентами на ее реализацию в зависимости от общественного положения и социального статуса. Демократия тоже получила регламентированное выражение, в результате чего произошла закупорка социальных лифтов, рост социального неравенства, разделение оппозиции на системную и несистемную, создание привилегий для партии власти, бесправие органов местного самоуправления и другие пороки, ограничивающие права и свободы граждан (подробнее см., напр.: [Кара-Мурза, 2015]).

Наконец, ноумены появляются под влиянием интеграции научного знания с появлением процессов, которые *рождаются на пограничье нескольких наук*. Так, появление социальных фантомов получило различную интерпретацию как с точки зрения реальной жизненной практики, так и с позиций разных наук, начиная с медицины. Осмысление ноумена «фантом» с позиций социологии привело к необходимости использовать наработки и истории, и экономической теории, и социальной психологии, и политологии, в ряде случаев филологии. Под этим понятием были агрегированы явления и процессы, которые олицетворяют специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, серьезно влияющие на политические, экономические, социальные процессы.

Фантомные явления, которые в латентном виде существовали всегда, в любую эпоху и в любой стране, в период ломки устоев государственной и общественной жизни имеют тенденцию проявлять себя как значимое социальное явление, оказывающее ощутимое влияние на процессы в обществе. Именно сопоставление данных разных наук позволило выявить, что носители разных форм фантомности обладают гипертрофированными социальными характеристиками (непомерная жажда власти, неограниченное желание обладать богатством, болезненное стремление к славе). В сочетании с личностными социально-психологическими характеристиками они образуют специфический ряд политических и общественных деятелей, представителей финансово-олигархических кругов, появление которых стало возможным в переломную эпоху жизни России в условиях коренных политических и экономических преобразований. При этом их влияние – в основном деструктивное – проявляется на всех уровнях социальной организации, вплоть до самого низового звена нашей жизни – там, где мы работаем и живем (подробнее см.: [Тощенко, 2015: 54–79]).

Таким образом, обращаясь к ноуменам, открывающим новые возможности познания, мы в то же время обнаруживаем методологическую и методическую сложность и трудность попыток подвергнуть их классификации, а также способов их выражения. *Такие ноумены, как добро, зло, счастье, по исходным характеристикам являются «вещью-в-себе»*. Мы сталкиваемся с тем, что они заключают в себе большое количество смыслов, они многоплановы, многоаспектны и даже многолики, и потому трудно, практически невозможно охватить их многообразие. В то же время это не означает отказа попытаться представить их через набор неких характеристик, даже показателей (индикаторов), которые внесли бы определенность в представление об этих ноуменах. Например, в мировой и отечественной социологии сделаны попытки понять в терминах социологии, что такое счастье, мечта (см., напр.: [Лазарева, 2013]); предложены измеряемые ориентиры. Но практически у каждого социолога возникает мысль: сколь полно, адекватно предлагаемые измерители охватывают многозначность ноуменов? В общем, мы стоим перед необходимостью перейти к более высокому уровню познания, хотя использование ноуменов в социологии встречает теоретико-методологические и методические трудности, которые предстоит осмыслить и попытаться решить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов В.Ф., Живоздрова С.А. Земская статистика – национальное достояние // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 89–99.
- Абрамов В.Ф. Земская статистика народного образования // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 83–87.
- Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Баранова Г.В. Концептуальные основы исследования социально-политической активности в современном российском обществе. Автореф. дисс. ... д. соц. н. М.: РГГУ, 2018.
- Бестужев-Лада И.В. (ред.) Проблемы измерения и моделирования образа жизни. М.: ИСИ АН СССР, 1978.
- Боголюбов А.С. Античная философия. М.: Изд-во МГУ, 1985.
- Бурханов Р.А. Трансцендентальная философия Иммануила Канта. Екатеринбург: УрГУ; Нижневартонск: НПИ, 1999.
- Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. М.: Флинта, 2005.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Наука, 2013.
- Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М.: Аванта плюс, 2003.
- Кант И. Критика чистого разума / Соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015.
- Кравченко С.А. Социологическое знание через призму стрелы времени. М.: МГИМО-Университет, 2015.
- Кукушкина Е.И. (ред.) Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века). М.: Высшая школа, 2004.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М.: Наука, 2000.
- Кулоткин Ю.Н., Тарасова С.В. (ред.) Мировосприятие и образ жизни. СПб.: Образование-Культура, 1999.
- Лазарева О.А. Счастье как объект изучения социологии // Психология, социология и педагогика. 2013. № 10. URL: <http://psychology.snauka.ru/2013/10/2492> (дата обращения: 18.11.2018).
- Леви Л., Андерсон Л. Народонаселение, окружающая среда и качество жизни. М.: Экономика, 1979.
- Левыкин И.Т. (отв. ред.) Общее и особенное в образе жизни социальных групп советского общества М.: Наука, 1987.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
- Маркс К. Анкета для рабочего // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М., 1979.
- Нарский И.С. О роли «вещи в себе» и ноумена в кантовской гносеологии // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград: КГУ, 1979. Вып. 4.
- Никольский С.А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. М.: Голос, 2015.
- Ойзерман Т.И. Учение И. Канта о «вещах в себе» и ноуменах // Вопросы философии. 1974. № 4. С. 117–128.
- Ойзерман Т.И. Ноумен // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль. С. 109.
- Резник Ю.М. Мир жизни человека (событийный подход). М.: ИФ РАН, 2018.
- Руткевич М.Н. и др. (ред.) Социалистический образ жизни. М.: Политиздат, 1984.
- Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
- Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии: Уч. пос. для вузов. М.: Высшее образование, 2008.
- Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М.: Новый хронограф, 2011.
- Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: ЦСПиМ, 2015.
- Хисамутдинов И.А. Уровень жизни и методы его оценки // Основы экономики и теории рынка. М.: ВЛАДОС, 2010. Гл. 20.3.
- Цапко М.С. Качество жизни в структуре жизненного мира // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2016.
- Шюц А. Избранное: мир, освященный смыслом / Сост. и пер. Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.
- Campbell A. et al. The Quality of American Life. New York: Russel Sage Foundation, 1976.
- Simon J. Phenomena and Nomena: On the Use and Meaning of the Categories // Kant's Theory of Knowledge: Selected Papers from the Third International Kant Congress / Ed. by L.W. Beck. Dordrecht; Boston: Reidel Co., 1974.

FROM PHENOMENON TO NOUMENON: A METHODOLOGICAL AND METHODIC SEARCH

TOSCHENKO Zh.T.

Russian State University for the Humanities, Russia

Zhan T. TOSCHENKO, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director and Head of Chair of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities; Chief Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhantosch@mail.ru).

Acknowledgements. With RFBR assistance, project No. 17-06-00407.

Abstract. The article analyzes adequacy of the categories and concepts used by modern sociology for the capabilities and needs of cognition from the point of view of searching for new meanings of processes and phenomena under study. It is shown that sociology is still largely limited by traditional approaches based on the analysis of phenomena, i.e. social processes and developments – obvious, quite clearly and relatively simply interpreted concepts. Based on the notion of the sociology of life, it is shown that with all the variety of methodological orientations and methodological techniques, all sociological studies are striving – one way or another – to identify, use and account for such indicators of the life world that are expressed through public consciousness (knowledge, opinion, needs, motives, value orientations, attitudes, interests, etc.), behavior, activities (acts, deeds, actions), macro, meso and micro environment. With this approach, these components of the life world appear to us as phenomena, i.e. perceived in experience as objects of sensual contemplation, as products of empirical knowledge. The article argues that this approach seriously limits capabilities of cognition. On the agenda is transition to methodology and methods of cognition, associated with the use of the category – noumenon, that allows to reveal intelligible, latent essence, becoming apparent through in-depth study and reflection, speculative contemplation. Definition of noumenon is given, its main features (characteristics) are identified, an analysis of prior attempts by sociologists to ascent from phenomenon to noumenon is offered, suggestions are made regarding its use, application and explanation of the studied social reality (life world).

Keywords: categories and concepts of sociology, methodology, methods, phenomenon, noumenon.

REFERENCES

- Abramov V.F., Zhivozdova S.A. (1996) Zemsky Statistics – a National Resource. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 89–99. (In Russ.)
- Abramov V.F. (1996) Zemsky Statistics of National Education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 83–87. (In Russ.)
- Abulkhanova-Slavskaya K.A. (1991) *Life Strategy*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Baranova G.V. (2018) *Conceptual Framework for the Study of Socio-political Activity in Modern Russian Society*. Auto-diss ... soc. sci. Moscow: RGGU. (In Russ.)
- Bestuzhev-Lada I.V. (ed.) (1978) *Problems of Measurement and Lifestyle Modeling*. Moscow: ISR AS USSR. (In Russ.)
- Bogolyubov A.S. (1985) *Ancient Philosophy*. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russ.)
- Burkhanov R.A. (1999) *Transcendental Philosophy of Immanuel Kant*. Yekaterinburg: UrGU; Nizhnevartovsk: NPI. (In Russ.)
- Campbell A. et al. (1976) *The Quality of American Life*. New York: Russel Sage Foundation.
- Devyatko I.F. (2003) *Methods of Sociological Research*. Moscow: Avanta plus. (In Russ.)
- Gotlib A.S. (2005) *Introduction to Sociological Research: Qualitative and Quantitative Approaches*. Moscow: Flinta. (In Russ.)
- Husserl E. (2013) *Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Kant I. (1964) Critique of Pure Reason. Op.: in 6 vols. Vol. 3. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Kara-Murza S.G. (2015) *Manipulation of Consciousness. Century XXI*. Moscow: Algoritm. (In Russ.)
- Khisamutdinov I.A. (2010) The Standard of Living and the Methods for its Assessment. In: *Basics of Economics and Market Theory*. Chapt. 20.3. Moscow: VLADOS. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2015) *Sociological Knowledge through the Prism of the Arrow of Time*. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russ.)
- Kukushkina EI (ed.) (2004) *The Development of Sociology in Russia (from Its Inception to the End of the Twentieth Century)*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
- Kultigin V.P. (2000) *Classical Sociology*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Kulyutkin Yu.N., Tarasova S.V. (eds) (1999) *Worldview and Lifestyle*. St. Petersburg: Obrazovanie-Kul'tura. (In Russ.)

- Lazareva O.A. (2013) Happiness as an Object of Study of Sociology. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika* [Psychology, Sociology and Pedagogy]. No. 10. URL: <http://psychology.snauka.ru/2013/10/2492> (accessed 18.11.2018). (In Russ.)
- Levi L., Anderson L. (1979) *Population, Environment and Quality of Life*. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Levykin I.T. (ed.) (1987) *General and Particular in the Way of life of Social Groups of Soviet Society*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Leontiev D.A. (1999) *Psychology of Meaning*. Moscow: Smysl. (In Russ.)
- Marx K. (1979) Questionnaire for the Workers. In: Marx K., Engels F. *Op.* 2nd ed. Vol. 19. Moscow. (In Russ.)
- Narsky I.S. (1979) On the Role of «Things-in-Themselves» and Noumen in Kantian Epistemology. In: *Issues of the Theoretical Heritage of Immanuel Kant*. Rel. 4. Kaliningrad: KGU. (In Russ.)
- Nikol'sky S.A. (2015) *Horizons of Meanings. Philosophical Interpretations of National Literature of the 19th–20th Centuries*. Moscow: Golos. (In Russ.)
- Oyzepman T.I. (1974) Teachings of I. Kant about «Things-in-themselves» and Noumen. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 4: 117–128. (In Russ.)
- Oyzerman T.I. (2010) Noumen. In: *New Philosophical Encyclopedia*. In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Mysl': 109. (In Russ.)
- Reznik Yu.M. (2018) *The World of Human Life (Event Approach)*. Moscow: IF RAN. (In Russ.)
- Rutkevich M.N. et al. (eds) (1984) *Socialist Lifestyle*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Semenova V.V. (1998) *Qualitative Methods: an Introduction to Humanistic Sociology*. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)
- Simon J. (1974) Phenomena and Nomena: On the Use and Meaning of the Categories. In: *Kant's Theory of Knowledge: Selected Papers from the Third International Kant Congress*. Ed. by L.W. Beck. Dordrecht; Boston: Reidel Co.
- Schutz A. (2004) *Selected: the World, Consecrated Sense*. Comp. and trans. N.M. Smirnova. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2008) *Methodology of Data Analysis in Sociology: Textbook for Universities*. Moscow: Vysshee obrazovanie. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2011) *Centaur-problem (A Philosophical and Sociological Analysis)*. Moscow: Novyj khronograf. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2009) *Paradoxical Man*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sociology of Life*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2015) *Phantoms of the Russian Society*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Tsapko M.S. (2016) Quality of Life in the Structure of the Life World. In: *Life of Russians: 25 years Later (Late 1980s – Mid-2010s)*. Ed. by Zh.T. Toschenko. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)

Received: 09.01.19. Accepted: 02.02.19.